

Население Средних Пахачей раньше жило в Верхних Пахачах – вверх по реке Пахача. Затем построили новое село, а то место оставили из-за того, что его очень сильно затопляло при половодье. Люди, бывало ездили на лодках по селу.

Летом и осенью 1974года население Верхних Пахачей стало переходить в новое село. Переезжали на лодках моторных, на тракторах и на собачках. К осени – зиме все население почти было в новом селе, за исключением некоторых пенсионеров. В новом селе были двух - трехкомнатные квартиры, дети пошли в новый детсад и в новую школу. Больница открыла двери на несколько мест. Дома были со всеми удобствами: ванная, туалет, вода, свет, отопление. Все радовались. В село прибыло много народу. Специалисты приехали в совхоз, школу, садик, больницу. А еще раньше, в Верхние Пахачи в 60-е годы приехала молодая учительница Галина Ильинична Дьяконова, да так по сей день живет и работает у нас. Валентина Серафимовна Шутякова под стать своей подруге тоже многие годы трудится в нашем селе. Их дружба длится уже полвека. Они с нами, сельчанами, переносят все беды и радости. Свою жизнь они в основном посвящают самому дорогому – воспитанию нового поколения. Низкий поклон им за это! Пожелаем им здоровья, долголетия, успехов в дальнейшей нелегкой работе.

Автор Ковранто О.О.

«Листая старые страницы»

«Воспоминания известного оленевода Павла Ивановича Тегрувье, к сожалению ушедшего к верхним людям».

Начало

Павел Иванович Тегрувье родился и вырос в оленеводческом районе. Он рассказал о первом знакомстве со школой, с учительницей, отважившейся поехать работать в дикие, по европейским меркам, места. А в корякской и чукотской тундре трудились многие европейцы, заслужившие уважение местного населения. Благодаря таким подвижникам ликвидировалась неграмотность, дети заканчивали школу и шли учиться дальше.

«Первая учительница»

Это было в те времена, когда только-только колхозы организовали. Открывали школы, магазины. Появились учителя. Неграмотных, женщин и мужчин, стали обучать. Когда еще не было нашего поселка Верхние Пахачи, и на учебу увозили далеко в сторону Апуки, на культбазу. Но построили в верховьях реки Пахачи село, и новая жизнь вплотную подошла к кочующим чукчам.

Однажды мы услышали какой-то гул. У отряда русских, называвшихся топографами, была шлюпка с плохим моторчиком. Шла она плохо, как рыба лащавая, еле-еле, хотя по течению скорость набирала. Мы, дети, вместе со взрослыми пришли к реке. Застали там стариков с других стойбищ. К нашему берегу пристала та самая лодка. О чем-то уговаривают наших бабок. А они отвечают прибывшим: «Мы не знаем. Нам сказали следить за этими детьми. А родители их в тундре, в табунах». А школа была для чукчей

большим местом. Детей куда-то увозили, почти принудительно. Зачем, что и как – никто же не объясняет. Чукчи- кочевые люди, им надо чтобы дети рядом были. Какой народ без детей? А сын всеми уважаемого бывшего председателя колхоза Кияургина Инмахач говорит: «Всех детей надо в школу». Он тогда председателем сельсовета был. А уже многие из них посещали школу, учились во втором и других классах. А нас впервые забирали.

И повезли нас. Скоро увидел новый поселок, с деревянными домами. Люди встречаются. Целая толпа. И среди них белая женщина. Вся в белом. И волосы белые. И руки. И почему-то у нее сильно загорелое лицо, пунцовое. Думаю: «Ну не знаю, что это такое». Среди чукчей- ворон вдруг одна белая.

Все, кто приехал на лодке, уже высадились на берег, а я боюсь. Мне кричат по-нашему: «Выходи из лодки». А я смотрю только на эту женщину. Она принимала детей на берегу. Я как загипнотизированный смотрю на нее: что эта женщина станет делать. И вдруг она идет прямо ко мне (я один остался в лодке). Я отступаю и отступаю. И тут она меня схватила. Я как заревел! У меня в голове все пронеслось. Я знал по сказкам, и бабки говорили: «Увидишь кого в белой одежде, всего белого – это кала». И тут она вся белая (одежда, волосы, даже глаза), и я решил: вот оно. Я чуть в речку не бросился. Успела меня поймать. А я думаю: «Все. Кала меня взял». Она здоровая женщина, в теле, плотная, крепкая, лет сорок ей. Она меня в охапку и на берег. Я брыкался. А кругом все смеются, что постарше были, мальчишки. Дразнят меня: «Вот тебя поймали. Ты как ребенок».

Нас помыли, одели во все русское. И оставили нас одних, новых учеников, с разных стойбищ собранных. Старших же после кормления отпускали. Я первый раз увидел стол и еду, поставленную для нас в тарелках. А сели мы на скамейки, и над столом видны только наши макушки, все для нас большое. Повариха была из нашего народа, говорит: «Кушайте». А мы, малыши, не знаем как. Ложки и тарелки перед нами, а не дотянуться до них. Кругом мои сверстники тоже не знают, как быть. Хлеб кушаем. Я поднимаюсь на скамью, оттуда на стол и беру свою тарелку. Другие за мной повторяют. (А нам пока не запрещают, это потом будут учить). Подходит та самая белая женщина и как я подумал, так говорит: «Ой, какие сообразительные, взяли и начали кушать». А мы на стол забрались, усадились на нем как на полу и из тарелок едим. Мы не знаем, как еще ведь за столом высоким не приходилось сидеть. У нас дома едят за низеньким столиком, сидя на полу.

В тот день на столе были юкола, хлеб и манная каша, посыпанная сахаром. Знали, что юколу мы съедим, и хлеб доводилось нам пробовать. Конечно, и манную крупу приходилось видеть. А как кашу примем, принимающие нас еще не знали, поэтому сахару сверху положили. Наблюдали, как сначала хлеб съели, потом юколу стали жевать, и за кашу с «приманкой» принялись. А там и чай подошел.

В школе нас сразу по программе учить стали. Мы ведь «дикие» были. Надо было приучать нас к организации, сидеть на уроке нужное количество времени. До этого нас никогда не приучали просиживать неподвижно по 40 минут. Хотя бы по 15 минут приучить посидеть. Мы не посещали детского сада. Впервые видели европейскую женщину, не понимали, что она от нас хочет. Хотя наблюдали. Как рядом занимались ученики постарше нас, со второго, третьего классов. Мы же были «нулевиками». Переводчика не было. Старшие ребята переводили нам, они по-русски уже понимали. С каждого стойбища учились в старших классах ученики, они взяли опеку над своими земляками, только что прибывшим в школу. За мной присматривал ученик из 4-го класса, его родители к нашему стойбищу относились. Было много учеников разного возраста. Будущая супруга Романа Альхи училась тогда со мной, она на два года старше меня. Сейчас Нина Степановна Тевлят живет в Ачайваяме. Став взрослыми, мы много лет работали в одном совхозе.